

Спрос на душу населения

ФЕСТИВАЛЬНОЕ КИНО-2009

итоги подводит Андрей Плахов

«Белая лента», режиссер Михаэль Ханеке

«Царь», режиссер Павел Лунгин

«Антихрист», режиссер Ларс фон Триер

ЕСЛИ в 2008 году деятели кинематографа были в основном увлечены политической и социальной проблематикой, то в этом году мы погрузились в стихию духовных исканий: словосочетание, почти забытое со времен Бергмана, Феллини и Тарковского, но вот опять актуальное.

Тому способствовали два кризиса — кризис постмодернизма и экономический кризис. В последние два-три десятилетия кинематограф с присущим ему тотальным скепсисом если и проявлял хоть какой-то интерес к религиозной тематике, то тщательно скрывал его, а открытая духовность стала восприниматься почти как пародия. Серьезное же кино искало корни всех проблем в материальной и политической сферах. Среди прочих на этой волне поднялся Майкл Мур, во многом благодаря ему документальное кино нахально вторглось в сферу художественного. Но вот Мур снял на злобу дня фильм «Капитализм: история любви» о жертвах ипотечного кризиса — но, как ни странно, особого успеха он в Канне не имел. Нынешний кризис требует более глубокого анализа, его влияние на людей одними лишь экономикой и политикой, кажется, не ограничивается.

Последний Каннский фестиваль мог показаться сплошным религиозным диспутом. Экуменическое жюри наградило антипризом Ларса фон Триера, но и его провокационный «Антихрист» обрел в результате своеобразную форму богоискательства (впережку с богоборчеством). Недаром

главную роль в «Антихристе» исполняет Уиллем Дефо, игравший в свое время Христа у Мартина Скорсезе. Теперь поиски бога проходят на фоне тотального триумфа зла.

В «Бойне» филиппинца Брийанте Мендозы (приз за режиссуру) зло коренится и прорастает в коррумпированной системе азиатского общества. А в «Белой ленте» австрийца Михаэля Ханеке (Золотая пальмовая ветвь) зло вызревает в добропорядочной немецкой деревушке, живущей по заповедям протестантской морали. Но дети не внемлют примерам богомольных родителей и терроризируют деревню вспышками немотивированного насилия.

В венецианской программе многие сочли лучшим другой австрийский фильм — «Лурд» Джессики Хауснер (приз ФИПРЕССИ — международной критики). Его действие происходит в одном из главных европейских мест паломничества, где чудеса давно стали частью туристической индустрии. Когда прикованная к инвалидному креслу молодая женщина встает и делает первые самостоятельные шаги, это скорее оказывается результатом любовной, чем божественной терапии. Картина исполнена настолько тонко, что утверждать, будто она отрицает божественное, было бы натяжкой. И все-таки вопрос о неочевидной природе чудес (некогда занимавший Феллини) опять стоит на повестке дня.

Несколько фильмов этого года было посвящено диалогам конфессий. В турец-

ких «Чуждых четках» режиссера Махмута Фазила (Тигровый приз в Роттердаме) робкое чувство, намек за запретную влюбленность вспыхивает между молодым муэдзином и его соседкой по дому, католической монашкой. Два одиноких человека, разделенные традицией, судьбой, воспитанием, тянутся друг к другу, так и не решаясь признаться в этом даже себе.

А осенью на нескольких фестивалях прошумел фильм «Хадевейх» французского Бруно Дюмона (приз ФИПРЕССИ в Торонто). Девственница, выросшая в неприлично богатой семье, стремится отдать душу и тело Христу, но не видит знаков его присутствия в бездуховном мире. Во всем Париже она находит только двух близких людей — это братья арабских кровей, которые ведут ее на путь теракта. Одна религия слишком стара и безжизненна, другая молода и агрессивна. В финале запутавшуюся девушку спасает от смерти мелкий преступник, это и оказывается желанным знаком присутствия бога.

Судьба фильмов, затрагивающих религиозные темы, в России непроста. На московском пресс-показе «Антихриста» раздавались крики: «Покайтесь!» Особенно болезненно люди переживали посвящение Тарковскому в финальном титре. Однако ничего не поделаешь: раз даже в советское время наши кинорежиссеры контрбандой протаскивали на экран религиозную ересь, то нынче сам бог велел. Фильм «Чудо» Александра Прошкина по сцена-

рию Юрия Арабова (спецприз Московского фестиваля) снят по мотивам легенды хрущевских времен о «стоянии Зои»: девушка Зоя оказывается обращенной в столб в наказание за богохульство. Феномен вызывает обострение идеологической борьбы между церковью и партийной номенклатурой, требующее в результате участия самого генсека.

С новым фильмом выступил и Павел Лунгин, создатель «Острова», чей массовый успех объяснялся тем, что идея личного искупления грехов была подана в патристической связке с нравоучительной историей изменника родины. «Царь», показанный в Канне и открывавший ММКФ, повествует о конфликте Ивана Грозного с митрополитом Филиппом и о том, что духовная власть бессильна изменить природу российской тирании. И царь здесь никак не от бога, хотя истово молится за спасение страны от бесчисленных врагов. Эта трактовка не устроила именно тех, кто возносил на пьедестал «Остров»: целая кампания против «крамольного фильма» поднята священнослужителями, апологетами державности, не говоря о православных хоругвеносцах. Так что хоть мы и показали себя в этом году частью мирового кинопроцесса, религиозные диспуты на Западе и в России по своей тональности сильно отличаются друг от друга. Там — в худшем случае антиприз, у нас негодных могут и анафеме предать.